

КОММУНИКАТИВНАЯ МИМИКРИЯ И ЕЕ ТИПЫ

Е. А. Лизунова

COMMUNICATIVE MIMICRY AND ITS TYPES

Е. А. Lizunova

В статье идет речь о явлении коммуникативной мимики. Автор пытается дать определение данному явлению и выделить различные типы мимики в повседневной коммуникации. Статья также содержит некоторые примеры реализации мимики в диалогах из художественных фильмов на английском языке.

The article deals with the phenomenon of communicative mimicry. The author attempts to give the definition of this phenomenon and to distinguish different types of mimicry in everyday communication. The article also contains some examples of mimicry realization in dialogues from feature films in English.

Ключевые слова: коммуникативная мимика, стиль коммуникации, коммуникативная ситуация, агрессивная и защитная мимика, социальная роль, речевой жанр.

Keywords: communicative mimicry, style of communication, communicative situation, aggressive and protective mimicry, social role, speech genre.

В настоящее время направленность современной лингвистики в сторону антропоцентрической парадигмы является очевидной. Происходит сосредоточение внимания на «фигуре человека» в языке, на взаимосвязи его внутреннего мира с особенностями его коммуникативного поведения. В данном контексте представляется актуальным изучение такого явления, как коммуникативная мимика, которое сегодня находит широкое применение в повседневной коммуникации, однако пока недостаточно широко исследовано лингвистами.

Сам термин «мимика» имеет греческое происхождение («mimikós» – подражательный) и в XIX веке введен в зоологию Г. Бейтсом для обозначения особых случаев явления имитации, при котором существо принимает облик иного животного или растения, или даже неодушевленного объекта, обычно с целью защиты. Существуют и формы мимики, позволяющие хищнику приблизиться к жертве, которой он сам подражает [5]. Позднее область применения термина расширилась, и он стал использоваться во многих отраслях научного знания, включая лингвистику, которая имеет дело с явлением коммуникативной мимики. История его изучения еще очень молода, и ему пока сложно дать четкое определение. На данном этапе исследования мы склонны понимать коммуникативную мимику достаточно широко и считаем возможным определить ее как изменение говорящим свойственного ему стиля коммуникации для осуществления своих целей в определенной коммуникативной ситуации. Но и это определение, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем уточнении.

При этом понятия «стиль коммуникации» и «коммуникативная ситуация» в научной литературе определяются следующим образом:

Стиль коммуникации – обусловленный индивидуальностью адресанта (коммуникатора) способ коммуникации, выражающийся в предпочтении определенных кодов, каналов и средств коммуникации, а также степени соблюдения правил того или иного языка [16].

Под коммуникативной ситуацией понимается «ограниченный в пространстве и времени целостный,

социально осмысленный и принявший определенную форму процесс речевого взаимодействия коммуникантов ... обобщенная модель условий и обстоятельств, обуславливающих речевое поведение личности» [11, с. 283.].

Коммуникативная ситуация имеет определенную структуру. Она состоит из следующих компонентов:

- 1) говорящий (адресант);
- 2) слушающий (адресат);
- 3) отношения между говорящим и слушающим и связанная с этим;
- 4) тональность общения (официальная – нейтральная – дружеская);
- 5) цель;
- 6) средство общения (язык или его подсистема – диалект, стиль, а также параязыковые средства – жесты, мимика);
- 7) способ общения (устный / письменный, контактный / дистантный);
- 8) место общения [8].

В качестве источников примеров реализации мимики в нашем исследовании мы используем современные англоязычные художественные фильмы. В связи с отсутствием возможности наблюдать реальную повседневную коммуникацию носителей языка, мы считаем, что художественные фильмы обеспечивают наиболее доступный для анализа материал и в то же время демонстрируют коммуникативные ситуации, максимально приближенные к ситуациям реального повседневного общения. Кроме того, просмотр фильма позволяет проанализировать не только лингвистические, но и паралингвистические средства коммуникативной мимики.

Рассмотрим также типологию коммуникативной мимики, которую приводит В. Б. Кашкин, один из немногих исследователей, занимающихся данной проблемой. Он выделяет три типа мимики в коммуникации:

- 1) мимика участников коммуникации (коммуникант выдает себя за кого-то другого);
- 2) мимика функций коммуникации (основная цель скрывается под другой);

3) мимикрия элементов коммуникации (выбирается не прямое выражение идеи: эвфемизмы, риторические вопросы и др.).

В реальном дискурсе первые два типа мимикрии могут выступать одновременно. Первый тип (авторская мимикрия) является наиболее общим явлением, явлением общекоммуникативного уровня, выступая на уровне коммуникативной ситуации. Второй тип (функциональная мимикрия) выступает на уровне отдельных фраз и фрагментов текста, являющихся маркерами (или псевдомаркерами) коммуникативных функций.

Третий тип чаще связан с микроуровнем, уровнем состава текста, отдельных его элементов. Один из приемов пропаганды использует мимикрию элементов: агрессивное навязывание лексики и фразеологии, а вместе с этим – мировоззренческого блока («развитой социализм» в противовес «загнивающему капитализму», «антитеррористическая операция» вместо «война» и другие эвфемизмы на службе власти). Можно также отметить прямую или косвенную цензуру, в том числе самоцензуру, табу на определенные имена, слова, фразы, обороты, приводящие к эвфемистической замене [7].

Нам также представляется возможным выделить в коммуникативной мимикрии те же два типа, которые некоторые ученые, в частности Альфред Жиар, выделяют в мимикрии в ее биологическом понимании: агрессивную мимикрию, необходимую, чтобы напасть на жертву, и защитную мимикрию, необходимую, чтобы уберечься от нападающего [6, с. 83 – 104].

В коммуникации агрессивная мимикрия присутствует в ситуациях, когда мимикрирующий коммуникант инициирует взаимодействие и своими действиями наносит прямой или косвенный вред партнёру. При защитной мимикрии речь идет о действиях коммуниканта, направленных на предупреждение причинения ему реального или мнимого ущерба от взаимодействия с партнёром.

Если обратиться к герою фильма «Catch me if you can» («Поймай меня, если сможешь») Фрэнку Эбгнейлу, то случаи, когда он «играл роль» летчика, старшего врача-ординатора, помощника генерального прокурора с мошенническими целями, можно рассматривать как агрессивную мимикрию. Однако в ситуации, когда его пытались задержать сотрудник ФБР, и спастись ему удалось, только изобразив из себя агента американской секретной службы, мимикрию Фрэнка можно считать защитной.

Carl: Hands on your head!
 Frank: Another IBM selector...
 Carl: Put your hands on your head.
 Frank: Print types in one second.
 Carl: Shut up! Put your hands on your head!
 Frank: You know, I get 200 checks here.
 Carl: On your head!
 Frank: Even little pay roll envelopes.

Carl: Put it down.
 Frank: Stop it! Relax. You are late! My name is Alan, Barry Alan, United States secret services. Your boy just tried jump out the window. My partner has him in custody.
 Carl: I don't know, what are you talking about?
 Frank: Do you think FBI are the only one on this guy? Come on... Do you mind taking gun out of my face? Please really. It makes me nervous.

Carl: Wanna see some credentials.
 Frank: Yeah, sure. Take my wallet. Do you want my gun too? Come on take my gun. Hei, look, just do me a favor, take a look outside. Look at the window. My partner is walking into the car with him...

Карл: Руки за голову!
 Фрэнк: Еще один IBM-селектор...
 Карл: Положите руки за голову.
 Фрэнк: Шрифт меняется за одну секунду.
 Карл: Закрой рот! Положи руки на затылок!
 Фрэнк: Представляете, здесь двести чеков.
 Карл: Руки за голову!
 Фрэнк: Даже маленькие конверты для рассылки зарплат.
 Карл: Положи на место.
 Фрэнк: Хватит! Расслабьтесь. Вы опоздали! Меня зовут Барри Алан, американская секретная служба. Тот, кого вы ищите, только что попытался выпрыгнуть из окна. Мой напарник арестовал его.
 Карл: Я не знаю, о чём Вы говорите?
 Фрэнк: Вы думаете, только ФБР занимается этим парнем? Ну же... Не могли бы Вы убрать оружие от моего лица? Пожалуйста, в самом деле. Это нервирует меня.
 Карл: Предъявите документы.
 Фрэнк: Да, конечно. Возьмите мой бумажник. Пистолет тоже хотите забрать? Ну же, забирайте и его. Эй, посмотрите, просто сделайте одолжение, взгляните на улицу. Посмотрите в окно. Мой напарник ведет его к машине.

В итоге Фрэнку удается избежать ареста, то есть применяемая им коммуникативная мимикрия оказалась результативной. Что же обеспечило ему успех в разговоре с Карлом? Во-первых, Фрэнк ведет себя невозмутимо. Игнорируя требования Карла, он в быстром темпе описывает оборудование преступника. Он говорит как знающий специалист, пользуется особой терминологией (*IBM selector*). Сначала Карл не верит мошеннику, но Фрэнку удается переломить ситуацию внезапной повелительной репликой: *'Stop it!*'. Она за-

ставляет Карла замолчать на какое-то время и выслушать так называемого сотрудника американской секретной службы. Фрэнк также применяет риторические вопросы, чтобы усилить убедительность своей речи (*'Do you think FBI are the only one on this guy?'*). Стоит обратить внимание и на то, что Фрэнк вежлив с собеседником (*'Do you mind...'*, *'Just do me a favor'*), что, вероятно, помогает ему вызвать некоторое доверие с его стороны. Он не теряет уверенности даже после требования предъявить документы – отда-

ет Карлу бумажник, но сразу же отвлекает его просьбой посмотреть в окно и получить решающее доказательство правдивости его слов: Карл собственными глазами видит как «преступника» (в действительности знакомого Фрэнку старика) ведут к машине. В целом можно сказать, что Фрэнк действует достаточно профессионально и, несмотря на фактор неожиданности и высокую степень риска, ему удается держать свою речевую деятельность под строгим контролем.

На наш взгляд, можно также выделить разновидность коммуникативной мимики как приспособление к определённой коммуникативной (или социальной) роли.

В социалингвистике под социальной ролью понимается комплекс стандартных общепринятых ожиданий, набор психологических, социологических и лингвистических характеристик поведения личности, соотносящихся с его статусным положением [2].

Кроме социальных, в лингвистике также принято говорить о речевых и коммуникативных ролях.

По мнению И. П. Тарасовой, речевая роль – это «некий возможный и допустимый репертуар речевых средств, которые можно употребить в различных ситуациях общения» [14, с. 65]. Среди составляющих речевой роли выделяются определенный лексический и грамматический минимум, интонация, фонационные и просодические особенности и т. д.

Коммуникативные роли могут рассматриваться как более или менее фиксированные стандарты поведения и деятельности, актуализирующие взаимосвязь социальных характеристик личности и ее языка/речи [13; 15, с. 77 – 82].

Представляется очевидным, что понятие «социальная роль» выступает как более широкое по отношению к понятиям «коммуникативная роль» и «речевая роль»; а феномен «коммуникативная роль» шире, чем речевая, поскольку включает, кроме вербального, и невербальное коммуникативное поведение.

В связи с этим довольно яркие примеры можно привести из сферы профессиональной коммуникации. Очень часто профессиональная деятельность человека диктует ему необходимость определенного речевого поведения: разговорный стиль сменяется на деловой, используется определенная терминология, речевые клише и т. д. Мимирию к социальной роли нередко можно встретить в так называемой вертикальной коммуникации вида «начальник – подчиненный». Так, в фильме «Fun with Dick and Jane» («Аферисты Дик и Джейн») мы наблюдаем мимирию Дика Харпера во время его визита к начальнику Джеку Маккалистеру. При виде Джека, Дик резко вскакивает с дивана, пожимает ему руку, затем, услышав его фразу *'Call me Jack'* (*'Называйте меня Джек'*) отвечает: *'Likewise'* (*'Вы меня тоже'*). Эта реплика, произнесенная из стремления приспособиться, естественно, прозвучала нелепо, поэтому Дик у пришлось пояснить: *'With my name. Dick, I mean'*. (*'По имени. Дик, я имею в виду'*). Этим же стремлением объясняется его смех, над плоскими шутками начальника и преувеличенные восхищения его домом: *'What an absolutely beautiful home you have'* (*'Какой необыкновенно красивый у Вас дом'*), а также предложенным угощением: *'Best I've ever had'* (*'Лучшее, что я когда-либо пробовал'*). Ко-

гда Джек, якобы выражая своё доверие Дик, дает ему ответственное поручение, Дик произносит фразу, типичную для дисциплинированного сотрудника и преувеличенно проявляет свою радость: *'You can count on me, sir. I mean, I can't tell you how happy I am'*. (*'Вы можете рассчитывать на меня, сэр. Я хочу сказать, я не могу выразить, насколько я счастлив'*). Кроме того, речь может идти не только о профессиональном статусе, но и о социальном, семейном и т. д. Человек может применять мимирию при необходимости исполнить роль любящего супруга, заботливого родителя, послушного ребенка, хулигана, интеллигента. В зависимости от выбранной роли может меняться степень вежливости речи, лексика, тон и другие характеристики.

С расширением рассматриваемого нами спектра проявлений коммуникативной мимики, мы всё больше задаемся вопросом: что можно принимать за «нулевую отметку», которая означала бы отсутствие применения коммуникативной мимики языковой личностью? На наш взгляд, в таком качестве можно рассматривать характер речевого поведения в нейтральном нериторическом общении, проявляющийся, в частности, в гипержанре дружеского общения, в рамках которого наиболее показателен речевой жанр болтовни. В ней не существует жестких или нормированных правил, по которым должно протекать взаимодействие, и каждой стороне общения предоставляется достаточно высокая степень свободы в способах построения своих высказываний и подборе речевых средств [9, с. 102 – 110]. Болтовню характеризует особая коммуникативная установка говорящих: участники общения обмениваются информацией, при этом в значительной степени коммуникация осуществляется ими ради самой коммуникации. Болтовня – это коммуникация, где, пользуясь формулой Л. С. Выготского, «мысль совершается в слове» [4].

Как указывает Ю. М. Лотман: «В каждом коллективе с относительно развитой культурой, поведение людей организуется основным противопоставлением:

- 1) обычное, каждодневное, бытовое, которое самими членами коллектива воспринимается как «естественное», единственно возможное, нормальное;
- 2) все виды торжественного, ритуального, внепрактического поведения: государственного, культурного, обрядового, воспринимаемые самими носителями данной культуры как имеющие самостоятельное значение.

Первому носители данной культуры учатся, как родному языку, – погружаясь в непосредственное употребление, не замечая, когда, где и от кого они приобрели навыки пользования этой системой... Второму типу поведения учатся как иностранному языку, – по правилам и грамматикам, сначала усваивая нормы, а затем уже, на их основе, строя «тексты поведения» [10, с. 249]. Здесь можно говорить о риторических и нериторических жанрах речи.

Приспособление человека к определенному жанру речи также имеет смысл рассматривать как своего рода коммуникативную мимирию. Однако она может носить достаточно естественный характер, так как с ранних этапов своего развития ребенок «врастает» в систему жанровых норм, постепенно усваивает раз-

личные ее формы и учится использовать их на практике [9].

М. М. Бахтин определяет речевой жанр как относительно устойчивое высказывание, выработанное определенной сферой использования языка [3].

С точки зрения прагматического направления, дается несколько иное определение понятию жанр речи – «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [12, с. 11].

Е. В. Акулова, суммируя определение М. М. Бахтина, К. Ф. Седова и некоторых других, предлагает определять речевой жанр как вербально-знаковое оформление типической ситуации общения, которое возможно и в письменной, и в устной форме и характеризуется тематической, композиционной и стилистической устойчивостью.

Так, в фильме «Mr. Deeds» («Миллионер поневоле») ярко представлено, как телеведущий Мак Макграф приспособливает свою речь к жанру телерепортажа:

'All the king's horses and all the king's men couldn't save Preston Blake from becoming a human Popsicle. And sources indicate that Blake, who was single and had no children, left no will. So who inherits Blake's 49 percent stake in the company's stock valued at \$40 billion? We'll discuss it with people close to Blake, including his long-time barber on tomorrow's Inside Access. Until then, I'm Mac McGrath.' ('И вся королевская рать не смогла бы уберечь Престона Блейка от участи быть замороженным. Источники сообщают, что холостяк Блейк, будучи бездетным, не оставил завещания. Так кто же унаследует долю в 49 % акций компании Блейка стоимостью 40 миллиардов долларов? Мы обсудим это с людьми, близкими Блейку, включая долго время служившего ему парикмахера в

завтрашнем выпуске «Под грифом «Секретно». С вами был Мак Макграф').

Как мы видим, речь Макграфа в данном случае носит достаточно официальный характер, в ней присутствуют клише, типичные для жанра репортажа: *'sources indicate'* ('источники сообщают'), *'We'll discuss it...'* ('Мы обсудим это'), *'Until then'* ('С вами был...'). Однако как только репортаж заканчивается, Макграф спешит отчитать журналистку Бейб, в разговоре с которой нам открывается его «истинное лицо»:

Mac: Freaking barber! That's the best you could get me? ('Долбаный парикмахер! Ты ничего лучше не могла найти?').

Babe: People tell everything to their barbers. He's been his closest confidant for more than 20 years. ('Люди рассказывают всё своим парикмахерам. Он был его самым душевным другом более двадцати лет').

Mac: I'm not putting this guy on the air. Get me something better and get it quick. Or it's your ass. ('Я не выпущу этого парня в эфир. Найди мне что-то лучше и побыстрее. Иначе рискуешь своей шкурой').

В данном диалоге, который, кстати, может быть отнесен к жанру болтовни, Мак не стесняется в выражениях, и здесь присутствует лексика, относящаяся к разговорной или даже вульгарной (*freaking, guy, ass*), употребление которой ведущий не позволил бы себе в телерепортаже.

Таким образом, соглашаясь с типологией коммуникативной мимики В. Б. Кашкина, мы предлагаем выделять дополнительно типы мимики в зависимости от цели мимикрирующего (агрессивная и защитная мимикрия), а также в зависимости от того, к чему осуществляется приспособление (к социальной роли, к жанру речи). В процессе дальнейшего исследования мы планируем расширить данную классификацию.

Литература

1. Акулова, Е. В. Жанры немецкого повседневного общения: уч. пос. по спецкурсу / Е. В. Акулова. – Саратов, 2011. – 99 с.
2. Бакумова, Е. В. Ролевая структура политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Бакумова. – Волгоград, 2002. – 200 с.
3. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М., 1986. – 543 с.
4. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики: уч. пос. / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
5. Диксон, Д. После человека: зоология будущего / Д. Диксон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sivatherium.narod.ru/library/Dixon/main_ru.htm
6. Кайуа, Р. Мимикрия и легендарная психастения / Р. Кайуа // Миф и человек. Человек и сакральное. – М.: ОГИ, 2003.
7. Кашкин, В. Б. Основы теории коммуникации: краткий курс / В. Б. Кашкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 256 с.
8. Коммуникативная ситуация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://s0ci0.ru/osnovnye-ponyatiya-sociolingvistiki/77-kommunikativnaya-situaciya.html>
9. Кошечева, О. В. Становление речевой компетенции в онтогенезе (на материале речевых жанров «рассказ», «бытовой разговор», «ссора») / О. В. Кошечева // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых: в 3 ч. – Саратов, 2011. – Вып. 14. – Ч. III.
10. Лотман, Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман. Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн: Александра, – 1992. – Т. 1. – С. 248 – 268.
11. Матвеева, Т. В. Учебный словарь / Т. В. Матвеева. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 432 с.
12. Седов, К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007.
13. Тарасов, Е. Ф. Социологические аспекты речевого общения / Е. Ф. Тарасов. – М., 1969. – 245 с.

14. Тарасова, И. П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез / И. П. Тарасова. – М.: Высшая школа, 1992. – 175 с.
15. Чигридова, Н. И. Речевое поведение и коммуникативные роли авторов деловых писем / Н. И. Чигридова // Донской юридический институт: личность, речь и юридическая практика: сб. науч. тр. – Вып. 2. – Ростов на/Д: ДЮИ. – 1999. – С. 77 – 82.
16. Энциклопедия социологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1561/КОММУНИКАЦИИ](http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1561/КОММУНИКАЦИИ)

Информация об авторе:

Лизунова Елена Александровна – аспирантка КузГПА, учитель английского языка гимназии № 10, г. Новокузнецк, 8-903-993-75-33, lily-of-valley@yandex.ru.

Lizunova Elena Aleksandrovna – post-graduate student at KuzSPA, English teacher at Gymnasium № 10, Novokuznetsk.